

ЛИНГВОПОЭТИКА

Языковые средства создания комического в рассказах М. Зощенко

© кандидат филологических наук Чжон Тэ Он (Республика Корея), 2000

Языковые средства представляют собой материал для создания комического. К ним относятся алогизм, каламбур, парадокс и пр.

Речь героя-рассказчика в произведениях Зощенко распадается на отдельные лексические единицы, принадлежащие к различным стилям. Столкновение разных стилей в одном и том же тексте говорит об определенном человеке, как правило, малограмотном, нагловатом и смешном. При этом интересно, что Зощенко удалось создать рассказы и повести, в которых почти несовместимые, даже взаимоисключающие лексические ряды могут существовать совсем близко друг от друга, они могут соседствовать буквально в одной фразе или реплике персонажа. Это позволяет автору свободно маневрировать текстом, предоставляет возможность резко, неожиданно повернуть повествование в другую сторону. В то же время это дает право говорить о том, что образ комического зощенковского героя-рассказчика сложный и многогранный.

Основная особенность техники создания словесного комизма у Зощенко – это алогизм. В основе алогизма как стилистического приема и средства создания комического лежит отсутствие логической целесообразности в использовании различных элементов речи, начиная с лексики и кончая грамматическими конструкциями. Словесный комический алогизм возникает в результате несовпадения логики рассказчика и логики читателя.

Зощенковский герой-рассказчик комичен потому, что он просто необразованный человек, невежа. Вероятнее всего, зощенковский герой-рассказчик – это малограмотная личность, поверхностно усвоившая разные языковые клише и употребляющая их как "к месту", так и "не к месту". Именно "употребление не к месту" характеризует алогизм мышления рассказчика и инициирует комический эффект.

В "Административном восторге" (1927) разлад создают антонимы, например:

"Но факт, что забрела [свинья] и явно нарушает общественный беспорядок" [I, 506].

Беспорядок и **порядок** – слова с противоположным значением. Кроме подмены слова, здесь нарушена сочетаемость глагола **нарушать** с существительными. По нормам русского литературного языка ‘нарушать’ можно правила, порядок или иные нормы.

"Сейчас составим акт и двинем дело под гору" [II, 219].

Очевидно, в рассказе "Сторож" (1930) имеется в виду не **под гору**, (т. е. ‘вниз’), а **в гору** (‘вперед, улучшить положение дел’). Антонимическая подмена **в – под** создает комический эффект.

Разлад и разнотон возникает также за счет употребления нелитературных форм слова. Например, в рассказе "Жених" (1923):

"А тут, братцы мои, помирает моя баба. Сегодня она, скажем, свалилась, а завтра ей хуже. Мечется и бредит, и с печки падает" [I, 176].

Бредит – нелитературная форма от глагола ‘бредить’. Вообще, следует отметить, что нелитературных форм в рассказах Зощенко множество: **бредит** вместо ‘бредит’ ("Жених" 1923), **голодуют** вместо ‘голодают’ ("Чертовинка" /1922/), **лягем** вместо ‘ляжем’ ("Гиблое место" /1921/), **хитровой** вместо ‘хитрый’ ("Гиблое место"), **промежду прочим** вместо ‘между прочим’ ("Материнство и младенство" /1929/) и т.д.

Нелитературные слова создают комические эффекты, а герои воспринимаются читателями как необразованные обыватели. Именно язык дает картину социального статуса зощенковского героя. Такая подмена литературной, нормированной словоформы нелитературной, диалектной используется Зощенко для того, чтобы показать, что рассказчик, критикующий других за невежество, невежествен сам.

В словесной комической системе Зощенко язык рассказчика или героя накладывается на систему чужого языка. Стремление героя стать рядом с эпохой – ввести в свою речь новые, часто непонятные и даже иностранные слова, которые неправильно и не к месту употребляются, как бы вносит в рассказ неведомую рассказчику жизнь.

Частое сравнение советского с иностранным приводит к включению иностранных слов и даже целых предложений на иностранных языках. Особенно эффектны в этом плане чередования русских и иностранных слов и фраз, например:

"Нечик головой лягнул, дескать, битте-дритте, пожалуйста, заберите, об чем разговор, жалко, что ли" ("Качество продукции" /1927/), [I, 365].

Употребление слов в непривычном значении вызывает у читателя смех, служит средством создания комического эффекта. Так, например, Зощенко, нарушив нормативный литературный язык, создает синонимические ряды, типа **печатный орган – газета** ("Людоед" /1938/), **фотографическая карточка – лицо – морда – физиономия** ("Гости" /1926/).

"Вы бы вместо того, чтобы рвать печатный орган, взяли бы и заявили в редакцию" [II, 328].

"Впоследствии обнаружилось, что ему надоло фотографическую карточку, и три недели он ходил с флюсом" [I, 364].

Среди речевых средств Зощенко-стилиста – каламбур, игра слов, основанная на многозначности, омонимии и т. д.

При каламбуре смех возникает в том случае, если в нашем сознании более общее значение слова заменяется его буквальным значением. В создании каламбура главную роль играет умение найти и применить конкретный буквальный смысл слова и заменить им то более общее и широкое значение, которое имеет в виду собеседник. Это умение требует известного таланта. В целях создания каламбуров Зощенко пользуется сближением и столкновением прямого и переносного значений чаще, чем сближением и столкновением нескольких значений слова.

"Вот вы меня, граждане, спрашиваете, был ли я актером? Ну, был. В театрах играл. Прикасался к этому искусству" [I, 269].

В вышеприведенном примере, выписанном из рассказа "Актер" (1925), рассказчик, употребляя слово **прикасался**, использует его в переносном, метафорическом значении 'был сопричастен с миром искусства'. Одновременно **прикасался** имеет и значение неполноты действия.

Часто в каламбурах Зощенко проявляется двойственность в понимании смысла.

"Я с этой семьей находился прямо на одной точке. И был им как член фамилии" ("Великосветская история" /1922/), [I, 36].

"Я хоть человек не освещенный" ("Великосветская история" /1922/), [I, 32].

В речи героев Зощенко многочисленны случаи замены ожидаемого слова другим, созвучным и далеким по значению.

Так, вместо ожидаемого 'член семьи' рассказчик говорит **член фамилии**, 'человек непросвещенный' – **человек не освещенный**, и т. д.

Речь героя-рассказчика в комическом сказе Зощенко содержит много лишнего, она грешит тавтологией.

О тавтологичности языка героев Зощенко можно судить по следующим примерам:

"Одним словом, это была поэтическая особа, способная целый день нюхать *цветки и настурции*..." ("Дама с цветами" /1930/).

На стилистическом уровне в рассказах Зощенко наблюдается столкновение газетного стиля с просторечием, использование в разговорной речи канцеляризм, столкновение архаической лексики с разговорным стилем речи.

Так, например:

"В театре-то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме" ("Аристократка" /1923/), [I, 170]; "Ты, зараза, не ори на меня. Не подрывай авторитета в глазах буржуазии" ("Мелкий случай" /1927/, [I, 372].

В создании словесного комизма Зощенко изобретателен. Многие зощенковские выражения стали крылатыми – **старушка божий одуванчик, утомленная высшим образованием** или **собачонка системы пудель**.

Резюмируя изложенное, отметим, что словесные средства создания комического, а именно алогизм, стилистические подмены и смещения, столкновение нескольких стилей, причем часто даже в одном предложении, являются довольно продуктивным комическим средством. Они основаны на принципе эмоционально-стилевой контрастности.

Тем не менее, герой-рассказчик претендует на образованность и интеллигентность, но его речь полна вульгарной, просторечной лексики, иностранных слов, диалектизмов и деформаций грамматических и фразеологических конструкций.

Л и т е р а т у р а

Зощенко М. М. Рассказы. М.: Худож. литер., 1974.

Зощенко М. М. Собрание сочинений в трех томах. Л.: Худож. литер. 1986–1987.